

Виктор Мартьянов

ПОЛИТИКА В ПОИСКАХ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО

Возможен ли более эгалитарный и справедливый проект современности, нежели тот, который предлагает либеральный консенсус капиталистической миросистемы? На чем может быть основана легитимность этого проекта? Или, иными словами, что современное общество готово трансцендировать в политике, в какие аксиомы оно готово верить?

Начнем с функции ускользания от определений, с того, что ключевые понятия общественных наук — демократия, общество, свобода, капитализм, справедливость и т. п. — принципиально не определимы до конца. Эти понятия уходят в трансцендентное. Собственно эта расплывчатость, множественность смысла имеет важную функцию — она является условием возможности диалога, создания интересубъективного пространства. Любой язык невозможен без молчаливых, не обсуждаемых аксиом, из которых выводится все остальное. Без минимума интуитивного взаимопонимания, опирающегося на то, что называется здравым смыслом. Поэтому в любой дискуссии возникают естественные проблемы с определением ключевых понятий, особенно современности, либерализма или демократии, которые являются самыми идеологизированными понятиями обществознания. Сейчас эти понятия зашли в содержательный тупик. Вчерашние концепты в виде идеологий в обществознании и реальной политике не работают. Приставки «пост» и «нео» ситуацию только усугубляют, мало что добавляя к содержанию понятий, которые они должны дополнить и исправить. Умножение сущностей без необходимости превращается в интеллектуальную имитационную игру, которая никак не соотносится с реальностью и во многом носит имитационный характер.

Проблема видится в том, что политические понятия и аксиомы делегитимированы в результате сведения трансцендентного к имманентному. Когда ключевые, самоочевидные метафоры-понятия обществознания ставятся под вопрос, когда оказывается, что самоочевидности нет, а есть тысяча определений и интерпретаций, возникают серьезные проблемы и с эвристическим потенциалом исчерпанных понятий, и с легитимностью социальной реальности, которую они призваны описывать. Иными словами,

определяющее свойство ключевых понятий — это их способность ускользать от окончательных рациональных определений. Поэтому демократия, современность, либерализм, коммунизм — это больше символы веры, нежели рациональные понятия. И чем больше в них рациональности и определенности, тем ограниченной их способность легитимировать социальную реальность, институты и практики.

Когда детскими вопросами прервут самореференцию любой общественной теории (все они не проверяемы опытным путем), самым реальным, что останется в ее защиту, и на чем будет держаться ее легитимность — это апелляция к самоочевидности. А последний ответ, к которому все сводится, потому что это естественно, самоочевидно и тождественно «здравому смыслу». То есть наиболее легитимно и реально самоочевидное, то, что не нуждается в доказательстве.

Представительная демократия со всеми ее «прилагательными» — это доминирующий в Современности код политической реальности, остальное — пока гипотезы и утопии. Например, Ф. Анкерсмит пишет, что репрезентативная демократия как «принципиальная непринципиальность», как нормативный механизм согласования интересов, который помог Европе найти политический инвариант для буржуазного (современного) общества между абсолютной монархией и гражданской войной, трансцендировался принципом историзма¹. Интегрирующий исторический миф позволил выработать такие понятия, как государство, нация, гражданское общество, общественный договор и т. д., сделав дискуссии идеологическими и введя их в новые легитимные институциональные рамки.

Но любые идеи профанируются, когда реализуются (овеществляются) в социальных институтах. Как справедливо заметил Б. Г. Капустин, «объективация ценностей» путем их отождествления с определенными историческими институтами ложна.² Идеи автономны от реальности, отождествление с социальной реальностью является исчерпанием идеи. Идеи порождают институты, но институты не могут породить автоматически сознания, когда-то их инициировавшего. Например, транзитологический рецепт внедрения институтов демократии, свободы слова, разделения властей, выборов, рынка вовсе не ведет автоматически к легитимности либеральной демократии там, где ее нет. И институты сами по себе не ведут к производству соответствующего типа ценностей.

Упрощая проблему, можно сказать, что легитимация в политике является эрзацем трансценденции. Политическая легитимация чего-либо без трансценденции этого чего-либо невозможна. Обществознание со времен Просвещения мыслит бинарными кодами, и код Авторитаризм-Демократия лишь одна из ипостасей главной оппозиции — Профанное-Сакральное или Имманентное-Трансцендентное. При этом трансцендентное есть нечто

1. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004, № 2.

2. Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. М., 2004. С. 61.

принципиально не объяснимое до конца, загадка, миф, вера, иррациональное и т. п. Объяснение трансцендентного аналогично его развенчанию, профанизации.

Мысль о легитимации через трансценденцию является ключевой для развертывания всех прочих мыслительных схем более прикладного уровня. Проблема в том, что природа власти и любого политического порядка, будь то демократия, миросистема, либерализм, коммунизм, состоит в том, что она не может полностью принадлежать порядкам тех институтов и представлений, стабильность которых она призвана обеспечивать. То есть быть полностью профанной и рациональной. Как только власть начинает полностью принадлежать постороннему пространству повседневности, как только ее механизм становится прозрачным для непосвященного взора—она превращается в хрупкое «послевластие», которое разрушается первым же преступлением незыблемых прежде ценностей, запретов и порядков, следуя принципу: «а король-то голый»!

Проблема капиталистической миросистемы именно в том, что она слишком успешна, в том, что она институционально и ценностно в общем и целом осуществлена в современном мире. Но эта глобальная материализация сыграла с ней злую шутку, так как в обществе прогресса высшей легитимностью обладает то, чего еще нет, будь то царство небесное или коммунизм, или незавершенная демократия. Иными словами, либеральный призыв к социальным переменам во имя более рационального и справедливо устроенного общества в обществе модерна априори переигрывает апологетику статус кво, сколь бы оно ни было достойным. При этом современными интеллектуалами, движимыми страстью к приобретению символического капитала, почти не учитывается амбивалентность любых социальных изменений, то, что прогресс легко может стать регрессом и упадком, чему не раз была свидетельницей человеческая история, метко названная в свое время А. Герценом «автобиографией сумасшедшего». И вместе с тем капиталистической миросистеме сегодня нет принципиальных вызовов, связанных с трансценденцией неких альтернативных оснований человеческого жизнеустройства. Критические мысли о неравенстве периферии и центра, неудовлетворенности либеральным консенсусом и мировым разделением труда не являются фатальными для капиталистической миросистемы. Ее слабое звено—это снижение общей легитимности как следствие ее практической реализации.

Легитимность (и политическая, и интеллектуальная) суть избыток, что-то сверх и помимо того, что она легитимизирует. Именно поэтому предельные основания власти и политики всегда уходят в трансцендентное. Эффективная власть метафизична в отношении закрепляемого с её помощью порядка вещей. Поэтому, например, эффективная демократия à la США и Европа, советский путь, неолиберализм—это не столько набор неких истинных и универсальных для человечества практик и институтов, которые можно «найти и вычислить», сколько лежащий в их основе трансцендентный политический Символ Веры.

Трансцендентное в политике выступает и как мифическое, и как религиозное, и как идеологическое. *Основная проблема сегодня—это профанизация всех ключевых проектов современности, будь то либеральный консенсус, неолиберализм, коммунизм, альтерглобализм и т. д.* Вопрос не в том, какой проект—истинный, но в том, как сделать альтернативные проекты сакральными и утопичными. Без этого они никогда не будут реализованы.

И здесь представляется существенным, что современные общества базируются на утопической идее позитивного прогресса, которая, по сути, социально и технологически возможное сделала общественно необходимым. Осуществление возможного стало базовой потребностью и принципом. Возможности и ожидания стали полноправной частью социальной реальности, а не удачей, чудом, милостью короля и т. д. Люди стали оценивать социальные институты, включая государство, исходя из их новых возможностей (научных, управленческих, технологических), а не статус кво. Возможности стали неотъемлемой частью социальной реальности. И политика, и экономика впали в зависимость от финансовых и интеллектуальных фьючерсов. Они легитимируются надеждами на улучшающие изменения, которых не питали люди, жившие в традиционных обществах, подчиненных естественным циклическим циклам. И несправедливость здесь стала интерпретироваться уже не как ухудшение статус кво, но наоборот, как его сохранение, как нереализованность возможностей и надежд, как отсутствие изменений к лучшему. Именно это мы сегодня наблюдаем в миросистеме: возможностей для улучшения все больше, но они не используются, либо остаются монополией незначительного меньшинства.

Интеллектуальная ситуация как в известном анекдоте, когда воздушные шарики все те же—зеленые, красные, синие,—но уже почему-то не радуют, даже если они и не лопнули. *Отсюда проблема, состоящая не столько в кризисе политического статус кво, сколько в потере им утопического измерения, способности давать надежды на что-то большее.* Демократия и либерализм осуществлены, то есть профанизированы в современном мире. Они стали частью повседневности. Но повседневность не обладает потенциалом легитимации, нужны новые надежды и возможности, представить которые демократия и либерализм не могут, поскольку кардинально лучше уже не бывает. Если только не изобрести лекарство от всех болезней, машину будущего или неограниченные источники дешевой энергии. Но общество прогресса живет снами о чем-то большем, которые оно часто безуспешно пытается воплотить.

Таким образом, современные общества вовсе не столкнулись с новыми проблемами, для разрешения которых необходима принципиально новая глобальная система. Мир, скорее, все более разочарован в привычных идеологиях, институтах и практиках политики, которые не дают привычного наркотика—перспективы на будущее. **Поскольку, хотим мы этого или нет, социально-политические идеалы демократии и либерального консенсуса в общем и целом реализованы в современной мире.** Поэтому в данной перспективе принципиально иного будущего нет. А есть лишь, как пишет

П. Вирильо, «тирания настоящего времени», перманентный ремонт мелких недостатков демократии, настройка гражданского общества, распространение ценностей либерального консенсуса на периферию миросистемы и т. п. А такие концепты, как неолиберализм или альтерглобализм, оказываются вовсе не принципиально новыми проектами, но, скорее, иррациональными и реактивными антиутопиями, которые питаются энергией разочарования в осуществленных на практике идеалах, не предлагая им реальной и легитимной альтернативы.

Вот мнение С. Рингена по поводу кризиса норвежской демократии, одной из самых благополучных в мире: «... причиной того, что люди отворачиваются от политики, служат не новые ценности и настроения... Грубо говоря, разумные и информированные граждане *правы*, теряя интерес к демократической политике».³ Иными словами, уже реализованные демократические идеалы превращают политику в субъективном измерении в бессмысленный набор повторяющихся автоматизмов, работающий без участия населения. Избиратели и основные социальные группы вовсе не хотят чего-то принципиально нового, они вообще ничего не хотят, такова суть «имплозии масс». И их недовольство второстепенными элементами действительности не должно вводить в заблуждение.

Поэтому проблема если и заключается в чем-то, так, скорей всего, в поиске новых трансцендирующих оснований для современной политики и общества, поскольку старые уже реализованы. И Россия как субъект полупериферии, стремящийся улучшить свое положение в миросистеме, конечно, представляет благодатную почву для этой темы. Но продуктивно размышлять о Современности и Демократии, а они тождественны, можно, только если мы хотим их отвергнуть в пользу чего-то иного. В противном случае мы рискуем скатиться к вечному ремонту статус кво, его описанию некими дополняющими кодами. Недемократия будет дополнять доминирующий код Демократии, тем самым фактически превращаясь в подпорку Демократической Современности, Неолиберализм найдет оппонента в Неоконсерватизме и т. д. Подобная критика только укрепляет свой объект.

Поэтому пока самое реальное и соответственно легитимное, с чем мы имеем дело в современной политике, — это именно демократия и ее производные. Нормативно «присваивая» демократию, можно контролировать то, что она символизирует — Современность. Ведь с современностью не поспоришь, это такая самоочевидная истина, до которой любым оппонентам нужно исторически «дорости», исправить недостатки «демократии с прилагательными» и т. п. В этой классификации социальной реальности заинтересованы ведущие страны мира, над ее совершенствованием работают лучшие интеллектуалы. Эта реальность привычна для мирового общественно-го сознания как то, с чем соотносят и неизбежно сравнивают все остальное. И понимать в этой картине мира уже нечего. Она уже понята, названа и опи-

3. Ринген С. Демократия: камо грядеши? // Логос. 2004. № 2.

сана классиками общественной мысли. Искать на ней пространство недемократии можно, но это лишь новое прилагательное к базовой метафоре.

И смена этого кода — демократия / недемократия — есть вопрос изменения статус кво миросистемы устроенной таким образом. Но что собственно взамен? Что может стать более легитимным в современной глобальной политике, чем демократия? **Возможна ли недемократическая современность?** Если демократия есть воплощение Современности, представляется, что альтернативы должны быть утопическими, отвергающими ее с позиций того, чего еще нет, то есть трансцендирующего настоящее Будущего.

«Раскрутить» новый легитимирующий проект, равновеликий демократии, возможно. Но это значит одновременно бросить вызов всей Современности капиталистической миросистемы и соответственно легитимирующему ее идеологическому аппарату политической теории, в центре которого Представительная Демократия. Кто, какие силы сегодня на это способны? И даже в случае глобальной удачи подобной революции: не станет ли новая Недемократия точкой отсчета для новых «Недемократий с прилагательными», тем же бинарным кодом, но наоборот. Тогда в чем смысл подобного переворота, по крайней мере, кому это может быть выгодно?

Если это просто протест против всей закостеневшей системы современного обществоведения, аналогичный валлерстайновской теории миросистемы, — это ограниченная постановка проблемы. Но если речь идет о поиске действительной альтернативы — глобального протеста мало, нужны амбиции уровня К. Маркса для описания возможного общества, которое превзойдет нынешнюю миросистему с ее либеральным консенсусом в пользу более универсальных и справедливых ценностей, даст новые возможности и надежды, взамен нынешней детерминированности и безнадежности. Но пока ведущие мировые центры силы в принципе все устраивает и в современности-модерне. А постепенное разотождествление культурно-исторической прародины капиталистической миросистемы и новых центров силы вряд ли следует интерпретировать как причину ее надвигающейся трансформации или краха. Что есть легитимного в политической Современности помимо демократии, либерализма, капитализма? По большому счету — ничего. А без этого капиталистическая миросистема вполне может жить если не вечно, то неопределенно долго. И это не так уж плохо в отсутствии действительных альтернатив.